21/23
ПРЕПРИНТЫ

Е. А. Варшавер, Н. С. Иванова,
Т. Д. Егорова, А. А. Орлова

АНАЛИЗ РЕАЛИЗУЕМЫХ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОДХОДОВ К ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС)

Анализ реализуемых в национальной политике Российской Федерации подходов к интеграции мигрантов

Варшавер Е.А.

старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики РАНХиГС, кандидат социологических наук, ORCID: 0000-0002-5901-8470, varshaver-ea@ranepa.ru

Иванова Н.С.

научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики РАНХиГС, магистр социологии, ORCID: 0000-0002-1140-2334, ivanova-ns@ranepa.ru

Егорова Т.Д.

магистр международных отношений, ORCID: 0000-0003-0192-7062, egorovatatianad@gmail.com

Орлова А.А.

стажер-исследователь Центра региональных исследований и урбанистики РАНХиГС, ORCID: 0009-0001-4245-5113, orlova-aa@ranepa.ru

Москва 2023

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Analysis of approaches to migrant integration implemented in the national policy of the Russian Federation

Varshaver E.

Senior Research Fellow Center for Regional Studies and Urban Studies RANEPA, *PhD in Sociology, ORCID: 0000-0002-5901-8470, varshaver-ea@ranepa.ru*

Ivanova N.

Research Fellow Center for Regional Studies and Urban Studies RANEPA, *MA in Sociology, ORCID: 0000-0002-1140-2334, ivanova-ns@ranepa.ru*

Egorova T.

MA in International Relations, ORCID: 0000-0003-0192-7062, egorovatatianad@gmail.com

Orlova A.

Research Assistant Center for Regional Studies and Urban Studies RANEPA, *ORCID: 0009-0001-4245-5113, orlova-aa@ranepa.ru*

АННОТАЦИЯ

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить представления о миграции и интеграции мигрантов, реализующиеся в национальной политике Российской Федерации. **Объектом** исследования являлись подходы к интеграции мигрантов, реализуемые в рамках национальной политики РФ. В ходе исследования использовались кабинетные и полевые **методы**. Полевая часть исследования была осуществлена в двух регионах РФ – Санкт-Петербурге и Башкортостане. Всего было собрано 172 интервью разного типа и осуществлено 165 часов наблюдения. Согласно **результатам** исследования, мигранты, миграция и интеграция мигрантов в российской национальной политике представлены, однако представленность эта носит маргинальный характер. Мигранты конструируются национальной политикой как некомпетентные чужаки, которые имеют возможность интегрироваться в российское общество в результате ликвидации этой некомпетентности частью посредством овладения конкретными инструментами существования в новой для них среде (в частности, миграционного законодательства), частью – за счет включения в российское культурное поле. Последний процесс иногда соответствует ассимиляционистскому подходу, когда – прежде всего в документах, регламентирующих национальную политику – в абстрактном ключе указывается на важность освоения мигрантами российской культуры, иногда – мультикультуралистскому, когда Россия конструируется как «нация наций», страна, в которой проживают различные народы, и мигранты оказываются включены в российское разнообразие как народы – «таджики», «азербайджанцы», «немцы». Символический ряд мероприятий, однако, часто связывает эти народы со страной происхождения мигрантов, тем самым помещая мигрантов в транснациональную маргинальную позицию. Эта позиция является лейтмотивом образа мигрантов в национальной политике России в целом. На основании анализа российского случая на международном фоне были сделаны **рекомендации** общего и частного характера. Общая рекомендация состоит в том, чтобы пересмотреть образ национального в целом и на уровне мероприятий национальной политики в частности в сторону большей роли в ней миграции и мигрантов. Частные рекомендации по результатам исследования направлены на изменение символических рядов существующих мероприятий в рамках национальной политики, и, в частности, предлагается (1)

включить в символический ряд мероприятий больший интеркультуралистский элемент, (2) актуализировать культурный репертуар мероприятий, (3) разработать и внедрить публичную ритуалистику вступления иностранцев в российское гражданство.

Ключевые слова: миграция, интеграция, национальная политика, анализ, население

ABSTRACT

The **aim** of this research was to identify the perceptions of migration and the integration of migrants as implemented in the national policy of the Russian Federation. The research **focused** on the approaches to migrant integration within the framework of Russia's national policy. Both desk-based and field research **methods** were employed. The field research was conducted in two regions of Russia – St. Petersburg and Bashkortostan. A total of 172 interviews of various types were collected, and 165 hours of observation were conducted. According to the research **findings**, migrants, migration, and the integration of migrants are indeed represented within Russian national policy, but this representation holds a marginal character. Migrants are constructed by national policy as incompetent outsiders who have the opportunity to become part of Russian society, solely through the elimination of this incompetence by mastering specific instruments for existence in Russian society, particularly immigration legislation. They are also integrated into the Russian cultural sphere. This latter process is sometimes imagined in an assimilationist way, where the importance of migrants adopting Russian culture is emphasized, and at times, in a multiculturalist way, where Russia is constructed as a "nation of nations," a country in which various ethnic groups reside, and migrants are included in Russian diversity as "Tajiks," "Azerbaijanis," "Germans." However, a symbolic series of events often associates these ethnic groups with the migrants' countries of origin, thereby placing migrants in a transnational and hence marginal position. This marginality serves as a recurring theme in the representation of migrants in Russia's national policy overall. Based on the analysis of the Russian case on the international stage, general and specific **recommendations** were made. The general recommendation is to reconsider the image of the nation as a whole and at the level of national policy activities to accord a greater role to migration and migrants. Specific recommendations resulting from the research are aimed at altering the symbolic sequences of existing national policy activities. Specifically, it is proposed to (1) incorporate

a greater intercultural element into the symbolic series of events, (2) update the cultural repertoire of activities, and (3) develop and implement a public ritual for foreigners acquiring Russian citizenship.

Keywords: migration, integration, national policy, analysis, population.

ВВЕДЕНИЕ

Теоретически фундированная и успешно реализуемая государственная национальная политика – ключ к неконфликтному воспроизводству этнического разнообразия в стране. Важность национальной политики в контексте вызовов, на данный момент стоящих перед страной, подчеркивается на самом высоком уровне [1]. Концептуально наследуя советской мультикультуралистской модели, за три постсоветских десятилетия сложилась российская концепция и практика управления разнообразием [2]. Эта модель предполагает одновременное поддержание гражданского единства и культурного разнообразия, выраженного в идее «дружбы народов». Много лет ведется масштабная работа по концептуальному оформлению этой модели и эмпирическому ее мониторингу, реализуются же эти концепции соответствующими государственными органами (в настоящий момент Федеральным агентством по делам национальностей) во взаимодействии с общественными организациями федерального и регионального масштабов. Миграция первое время была вне фокуса национальной политики. Мигранты рассматривались государством прежде всего как рабочая сила и в некоторой степени как демографический ресурс. Параллельно миграция виделась как явление опасное с культурной и криминогенной точки зрения. В связи с этим государственное регулирование миграции традиционно осуществлялось в первую очередь МВД, а интеграция мигрантов – процесс встраивания приезжих в общество – оказалась на периферии концептуального и организационного оформления взаимодействия государства и мигрантов.

Последние годы – по мере постепенного признания, что миграция – это неизбежность, а также аккумуляции в России все большего числа бывших иностранцев в качестве граждан (так, только за последние 5 лет гражданство получило более 2,8 млн. человек [3]), становилось понятно, что интеграция мигрантов – это важно, а ее исход играет ключевую роль в том, насколько Россия будет успешна в сравнении с другими государствами, принимающими мигрантов. Идея интеграции мигрантов постепенно начала находить воплощение в разнообразных политиках (миграционной, демографической, экономической) как на стратегическом (стратегии, концепции), так и на операциональном (программы, планы) уровнях. Среди этих политик была и национальная. Однако в той мере, в какой подходы к интеграции мигрантов в этих политиках носили в первую очередь утилитарный характер и были направлены частью на освоение мигрантами релевантного законодательства и

русского языка, частью на купирование конфликтности, концептуальные основания включения мигрантов в российское общество (т.н. символическая интеграция) остались не прояснены. Вместе с тем вопросы о том, кем являются мигранты для России, как и на каких основаниях мигрант может стать местным по-настоящему (и получение гражданства здесь не является единственным ответом), какое место мигранты занимают в палитре российского культурного разнообразия – являются первостепенными, и именно национальная политика является пространством стратегирования, в котором на эти вопросы должны быть даны ответы. В этом состоит *актуальность* исследования. Эти вопросы, однако, неизбежно оказываются связаны с вопросами о том, как российская нация воображает себя в целом, кто мы такие и куда мы идем. И если на вопросы о сущности российской нации ответы даются, место мигрантов в ней на данный момент не является в полной мере проясненным.

На практике национальная политика реализуется в тысячах по-разному выделяемых мероприятиях ежегодно, и – поскольку четких эксплицированных ответов на вопросы о роли мигрантов, в целом, нет – каждое мероприятие по сути встает перед необходимостью давать на них свои ответы и делает это. Если концептуальные основы политики не прояснены, это не значит, что никакая концепция не будет реализовываться, это значит, что будут реализовываться имплицитные, часто не осознаваемые, концепции. Применительно к теме НИР речь идет об имплицитных концепциях, описывающих роль и место мигрантов (частью понимаемых как бывшие или нынешние иностранцы интегрируются в культурное пространство России, частью - как это понятие используется в рамках национальной политики) в российском обществе. Именно этим концепциям и посвящена работа. Исходя из этого и поставлена ее *цель* – выявить представления о миграции и интеграции мигрантов, реализующиеся в национальной политике Российской Федерации, для чего (*задачи*) необходимо проанализировать и документы (стратегии, программы, планы), регламентирующие и задающие национальную политику на федеральном и региональном уровнях, однако прежде всего – дать ответ на вопрос о том, какие идеи и концепции воплощаются в мероприятиях (*объект исследования*), посредством которых национальная политика фактически реализуется. Для этого используются как кабинетные (анализ документов), так и полевые (наблюдение на мероприятиях, интервьюирование организаторов и участников) *методы*. Именно мероприятия (а тексты – лишь во вторую очередь и в качестве контекста мероприятий)

являются основным объектом анализа в рамках исследования. Теоретические основания исследования лежат в русле структуралистских и пост-структуралистских подходов, социологической феноменологии, интерпретативизма и культур-социологии. Анализ данных производится посредством дискурс-аналитических техник и визуальных методов, находящихся в методологических рамках объектной герменевтики, а также контент-анализа. Дизайн исследования предполагает анализ документов и мероприятий на федеральном и региональном уровне, при этом в качестве регионов для исследования выбрана одна национальная республика (Башкортостан) и один регион, не носящий национальной специфики (Санкт-Петербург).

В разделах ниже эксплицированы теоретико-методологические основания исследования, приведены краткие результаты исследования по регионам и показано, как российский случай вписывается в разнообразие международного опыта. В заключении делаются общие выводы и даются практические рекомендации, позволяющие способствовать более эффективной интеграции мигрантов инструментами национальной политики.

1 Теоретико-методологические основания исследования

Данная работа лежит в теоретико-методологическом русле интерпретативизма. Интерпретативизм – один из столпов современных социальных наук [4, 5]. Наследуя сначала дильтеевским, а затем и нео-кантианским наукам о духе (Geistwissenschaften) [6], и пройдя через жернова континентальной философии [7], понимающей социологии [8] и структурной семиотики [9], усилиями американских антропологов (прежде всего К. Гирца [10]) и социологов (например, Дж. Александера [11]) этот подход получил эмпирическое воплощение. В настоящее время интерпретативизм, будучи противопоставленным позитивизму, но одновременно дополняя его, является основной социальных наук. Современный интерпретативизм можно описать посредством нескольких тезисов. Прежде всего, в той мере, в какой социальные науки исследуют человеческое поведение (типичное или агрегированное) и его детерминанты, именно культура в широком смысле является ключевым таким детерминантом или во всяком случае интерфейсом, посредством которого прочие факторы способны оказывать влияние на человека (в этом интерпретативистские научные программы не соглашаются с экономическим детерминизмом марксизма), и задача социальных наук, таким образом, состоит в том, чтобы проанализировать смыслы, которыми руководствуются люди в своем поведении, таким образом, объясняя это поведение. Во-вторых, поскольку интерпретативизм является изводом структурализма, предполагается, что эти смыслы носят имплицитный характер и люди, действующие на основании этих смыслов, доступа к ним не имеют. Социальный ученый, таким образом, рассматривается как дешифровщик кода, «зашитого» в культуру, и самой культуры как совокупности таких кодов. Разные программы социальных наук различаются в том, что касается дальнейшей судьбы дешифрованного кода: например, в рамках культурного релятивизма [12] дешифровка имеет собственный и почти единственный смысл, в то время как в культурсоциологии этот код после дешифровки должен объяснять другие культурные и иные явления [13, 14]. Различаются между собой и представления о том, что этот код представляет собой: правила, модели, практики и проч. Все они, однако, сходятся на том, что объектом изучения социальных наук должны стать латентные смысловые конструкции, руководящие человеческим поведением, взаимодействиями между людьми, социальными институтами.

В интерпретативизме используется три ключевых методологических принципа, обеспечивающих качество исследования: это рефлексия позициональности, триангуляция и экспликация процедур и исходных данных. Рефлексия позициональности – это установка на анализ связи производимого знания с позицией человека в обществе и мероприятия, в рамках которых эта установка реализуется. В полевых исследованиях в этой связи особое внимание уделяется тому, как воспринимается исследователь в поле, поскольку информация, которую он получает, связана с этим существенным образом. Стандартом является рефлексия позициональности в письменном виде – в публикуемых работах. Триангуляция – это установка на интеграцию в аналитические процедуры разнообразие людей и мнений, различающихся позиционально. Триангуляция достигается как за счет осуществления исследования группами ученых, так и за счет обсуждения исследования на разных этапах с разными людьми и в разных аудиториях. Если речь идет об антропологических исследованиях, триангуляция зачастую подразумевает включение в исследовательские команды «местных» или обсуждение с ними промежуточных результатов исследования.

Цель исследований, осуществляемых в интерпретативистской методологии, таким образом, состоит в том, чтобы, путем декодировки смысловых миров, в которых живут люди, выявить социальные структуры, лежащие в основании их поведения. Эмпирическим объектом такого рода исследований может быть разнообразие явлений (действия и мнения отдельных людей, письменные и устные тексты всех возможных видов, социальные ситуации и взаимодействия, публичные мероприятия, ритуалы и праздники, а также многое другое), в той мере, в какой эти явления предположительно носят не произвольный или случайный характер, а детерминированы социальными структурами.

Описанные выше теоретические представления и методологические приемы легли в основание данной научно-исследовательской работы. В соответствии со структуралистскими принципами, объектом ее является не столько национальная политика, сколько общественные представления, которые в этой политике и в мероприятиях, осуществляемых в ее рамках, воплощаются. Вместе с тем, как это обычно происходит в исследованиях символической политики (об этом подходе – ниже), именно политика помещена в фокус исследования в связи с тем, что, с одной стороны, она наблюдаема (документы, мероприятия), с другой – она играет важную

роль в рамках процесса структурирования представлений жителей России о роли мигрантов в обществе. Какой именно является эта роль – важный исследовательский вопрос, который, однако, выходит за рамки осуществляемого исследования. Более того, рамка исследования была сужена и в тот момент, когда было решено поместить в его фокус в первую очередь символические ряды, которые продуцируются на сцене (в прямом и переносном смысле) этих мероприятий, а не социальные взаимодействия, окружающие эти мероприятия. К последним относятся разнообразные обсуждения стратегических документов на федеральном и региональном уровнях, разговоры о бюджете и ходе мероприятий с участием представителей государства и НКО, распорядок дня гостей мероприятий до и после этих мероприятий и все то, что позволяет выявить, как мероприятия национальной политики вписываются в повседневность. В конечном счете могло выясниться, что сами символические ряды, продуцируемые в ходе мероприятий, играют меньшую роль, нежели, скажем, сам факт взаимодействия между чиновниками, НКО-шниками и простыми участниками мероприятий, в ходе которых, например, переосмыслялась бы роль государства. Было, однако, решено сфокусироваться на послании, имплицитно заложенном в разнообразных мероприятиях национальной политики, которое касается роли мигрантов в российском обществе, а также желаемого хода и результата их интеграции. Это послание, впрочем, также важная часть общего паззла.

Работа лежит в русле и ориентируется на лучшие образцы направления, известного как исследования символической политики. Его родоначальником является М.Эдельман, в 1971 году впервые издавший книгу «Политика как символическое действие» [15]. В этой книге, отталкиваясь от классических и современных ему подходов к исследованиям политики как рационального действия, автор указывает на то, что, во-первых, политика во многом происходит за счет повсеместного использования символов, во-вторых, их рецепции носят иррациональный, эмоциональный характер и, таким образом, исследования политики – это исследования символических рядов, производимых для воздействия на эмоции, эффективности этого воздействия и непреднамеренных его результатов. Позже – Т.Мейером – была предложена трехчастная классификация типов символической политики – сверху, снизу и одновременно сверху и снизу [16]. Примером первого является телевыступление президента страны, второго – акт самосожжения в знак протеста, третьего – национальные праздники. Третий и, в некотором смысле, первый

тип символической политики по Мейеру были помещены в фокус данной НИР. Российские рецепции зарубежных теорий связаны с именами О.Ю.Малиновой [17, 18, 19] и С.П.Поцелуева [20, 21, 22]. Последний указывает на характерный для феномена символической политики парадокс: с одной стороны, ее ценность систематически недооценивается разными акторами (в том числе из научного поля), с другой – ее присутствие в политическом поле повсеместно и те, кто «делает» политику прекрасно осведомлен о ее ценности. Общий подход и конкретные ходы из поля исследований символической политики были применены при изучении мероприятий в рамках национальной политики.

Анализ представлений об интеграции мигрантов, транслирующихся в рамках этих мероприятий, был осуществлен посредством теоретического конструктивистского языка, созданного одним из авторов отчета для исследований этничности, а также теоретической модели, созданной применительной к интеграционной политике на страновом уровне на базе классической четырехчастной модели инкорпорации мигрантов Дж.Бэрри [23]. Теоретический язык подробно эксплицирован в других публикациях [24, 25], кратко он может быть резюмирован следующим образом. В фокус исследований помещается этничность, понимаемая как организация различий, основанная на категориях, членство в которых наследуется. Это определение, синтезирующее определения российского антрополога В.А.Тишкова [26] (в свою очередь отсылающее к работам Ф.Барта [27]) и американского политолога К.Чандры [28, 29]. В стезе Р.Брубекера [30] в рамках исследований фокус внимания переносится с этнических групп (эпистемологически несостоятельного концепта) на этнические категории в языке, поскольку именно они и структурируют человеческое поведение, однако делают они это не сами по себе, а наряду с атрибутами, связываемыми с этими категориями. Этих атрибутов существует несколько типов – стереотипы (каковы представители категории?), индикаторы (как можно узнать представителей категории?), нормы (как действовать, будучи представителем категории или во взаимодействии с представителем категории?), (со-)отношения с другими категориями (на представителей каких других категорий похожи представители категории? в каких отношениях представители этой категории с представителями других категорий?), нарративы и дискурсы (что рассказывают о представителях категории? какие культурные явления с ней связываются?) Вся совокупность категорий и их атрибутов, существующих в определенном контексте,

называется конструкция этничности, при этом она обладает и общими характеристиками, не привязанными к конкретным категориям, среди которых представления о правилах членства в этнических категориях (как кто классифицируется ребенок в смешанных семьях, можно ли перейти из одной категории в другую и на каких основаниях), считается ли принадлежность к категории врожденной, биологической характеристикой или она функция от приобретенной культуры, формами институционализации этничности и проч. Интеграция мигрантов в этой связи – это, с одной стороны, изменение конструкции этничности, в рамках которой частью «мигрант» и «местный» являются этническими категориями, частью «мигрантскость» и «местность» становятся атрибутами этнических категорий, с другой – ре-классификация индивидов из категории «мигрант» или «мигрантских» категорий в категорию «местные» или категории, которые считаются «местными».

Адаптация модели Бэрри, созданная для квалификации национальной политики и классификации таких политик на страновом уровне предполагает ответ на четыре последовательных вопроса: (1) насколько дискурс о миграции включен в национальную политику, (2) насколько дискурс о миграции в национальной политике предполагает интеграцию мигрантов, (3) насколько дискурс об интеграции мигрантов – это дискурс о культуре, (4) насколько дискурс о культуре учитывает и конструирует разнообразие и каким именно образом. При наличии дискурса о миграции и интеграции, таким образом, случаи могут тяготеть к не-культурализму, когда вопрос о культуре в дискурсе о миграции и интеграции не поднимается (а, например, интеграция приравнивается к получению гражданства или освоению законодательства – такой дискурс мы называем легалистским и техницистским), а также к одной из культуралистских рамок, среди которых с известной долей условности выделяются ассимиляционизм, когда культурное разнообразие – местных и мигрантов – нивелируется, и мультикультурализм, когда культурное разнообразие рассматривается как желаемое и понимается в эссенциалистском ключе – через призму реифицированных «народов», «этнических групп» или «происхождения». Дополнительным способом смотреть на разнообразие в рамках национальной политики является т.н. интеркультурализм, который признает культурные различия, но не эссенциализирует их, а напротив предлагает искать общее и делает акцент на позитивном взаимодействии между местными и мигрантами вне зависимости от их номинальной культуры. В этом смысле интеркультурализм не является в чистом виде

культуралистской или не-культуралистской рамкой. Эта – многоступенчатая – модель, впрочем, является лишь теоретической разметкой разнообразия случаев, которые предполагаются к анализу – идет ли речь о конкретных документах и мероприятиях, политике на уровне региона или страны в целом. Результатом непосредственного анализа является не столько отнесение случаев к одному из типов (такое отнесение зачастую оказывается в полной мере невозможным), сколько индуктивная реконструкция дискурса о миграции, мигрантах и их интеграции, и эта типология играет вспомогательную роль.

В ходе работы было определено два региона – Санкт-Петербург и Башкортостан. В каждый из них было осуществлено несколько исследовательских поездок, приуроченных к мероприятиям, осуществляемым в рамках национальной политики. Факт связи конкретных мероприятий с политикой осуществлялся частью на основании анализа регионального плана мероприятий в рамках национальной политики, частью – посредством интервью с региональными экспертами. Единицей анализа в рамках исследования было мероприятие. Выделение мероприятий для наблюдения, впрочем, было сопряжено с определенными сложностями. Эти сложности были связаны с тем, что в терминологии программ и планов, мероприятие – это скорее концептуальный контур для деятельности и, наряду с проведением празднования, приуроченного к той или иной дате, мероприятием может быть и издание литературы, посвященной той или иной проблеме, и организация учебных курсов и многое другое. Конкретных событий в рамках одного мероприятия может быть, таким образом, много, и в этом случае для непосредственного наблюдения и описания отбирались события или иные единицы наблюдения внутри мероприятия и этот выбор осуществлялся, исходя из прагматики исследования. Примером такой операционализации может послужить выбор в качестве непосредственного объекта наблюдения четырех «Уголков мигранта» (столов с информационными материалами для мигрантов) в библиотеках Санкт-Петербурга. Согласно плану, мероприятие, в рамках которого появились и поддерживаются эти «Уголки», называется «Реализация мероприятий в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан». В ходе экспертных интервью с одним из авторов плана выяснилось, что была определена вся совокупность библиотек, в которых организованы такие «Уголки», на ее основании сделана выборка из четырех «Уголков» в разных – центральных и периферийных – районах Санкт-Петербурга, каждый из которых был

затем задокументирован, описан и проанализирован на предмет представлений об интеграции мигрантов, заложенных в этом мероприятии и им транслируемых. Другие мероприятия – такие как, например, «Проведение культурно-массового мероприятия Международный праздник весеннего равноденствия “Навруз”» (п. 4.2.2. плана мероприятий в рамках государственной программы «Реализация государственной национальной политики в республике Башкортостан») совпадали с конвенциональным пониманием мероприятия более однозначно и было организовано наблюдение и интервьюирование на городском празднике, состоявшемся на площадке перед оптовой базой «Евразия».

- Сходным образом была организовано и прочее «поле». Из плана мероприятий с целью охватить максимальный спектр возможных типов мероприятий отбирались конкретные мероприятия, затем, исходя из типа мероприятия, отбирались непосредственные единицы наблюдения и организовывалась полевая работа. Эта работа различалась в зависимости от типа мероприятия, однако вне зависимости от типа, осуществлялась фиксация визуальных и текстовых рядов, представленных на мероприятии (если речь шла о празднике – организовывалась аудиозапись выступлений, если об издании литературы – осуществлялось фотокопирование книг и брошюр и так далее) и затем делался их анализ. Кроме того, организовывались интервью с организаторами и участниками мероприятий, которые полностью или частично транскрибировались или конспектировались. Стратегии анализа различались в зависимости от состава исследователей. Если исследователь был один, он в одиночку осуществлял кодирование материала и его анализ, на основании чего писал текст. Другие участники исследования в такой ситуации подключались на этом этапе, знакомились с материалами, читали текст и предлагали свои интерпретации. Параллельно осуществлялась рефлексия позициональности участников обсуждения. Интерпретации обсуждались и в финальную версию текста вносилось версия, разделяемая всеми участниками обсуждения (в случае же, если консенсуса достигнуто не было, приводились все версии и аргументы в пользу каждой из них). Финальная версия текста включала в себя методическое описание (как была организована работа и как были отобрана единицы наблюдения), детальное феноменологическое описание мероприятия без анализа, и затем – анализ. Затем мероприятия, в ходе сходного по сценарию

обсуждения, сопоставлялись между собой внутри региона, выявлялось общее и различное в дискурсе, сопоставлялись с регламентирующими документами, в результате чего делался вывод о смысловых структурах, управляющих представлениями об интеграции мигрантов на уровне региона. Параллельно сопоставлялись регионы и аналогичные мероприятия (например, празднование Навруза) в разных регионах и делались предположения о смысловых структурах на уровне страны в целом.

Всего таким образом было проанализировано 2 мероприятия федерального уровня (сайт «национальнаяполитика.рф»; Конгресс антропологов и этнологов России), 3 мероприятия в Санкт-Петербурге (Навруз, «Уголок мигранта», день России) и 3 мероприятия в Башкортостане (Навруз, информционная брошюра для мигрантов, день России). Было собрано 172 интервью и проведено 165 часов наблюдения. По похожему сценарию был организован анализ документов на федеральном и региональном уровнях, которые или брались из открытых источников или были получены по специальному запросу в органы власти. Та же модель использовалась для анализа зарубежного опыта. Были проанализированы страновые случаи Туркменистана, ОАЭ, США, Франции и Австралии, а также лучшие практики без привязки к странам. Однако в этом случае речь шла в первую очередь об анализе вторичных материалов (книг, брошюр, программ, вебсайтов), и, в частности, просмотре видеозаписей мероприятий. Дополнительно материалы были взяты из архивов авторов отчета. Этот анализ позволил сопоставить подходы, использующиеся в национальной политике России применительно к интеграции мигрантов, с подходами используемые в зарубежных странах. На основании сопоставления страновых случаев, лучших практик и российского случая, в контексте целей, стоящих перед страной, были даны рекомендации органам власти, а также предложена модель более инклюзивного и ориентированного на мигрантов национального дискурса.

2 Результаты исследования

На первом этапе исследования (частью для выявления формальных институциональных условий, в которых реализуются мероприятия, частью – для определения смысловых структур, организующих официальные документы) были описаны контуры комплекса документации, регламентирующей национальную политику и интеграцию мигрантов и детально изучен ключевой в этом контексте документ – «Стратегия национальной политики до 2025 года». Кроме того – была изучена и описана вариабельность такой документации на региональном уровне.

Стратегия государственной национальной политики России, несмотря на то, что документ предполагает мультикультуралистскую политику в отношении местных жителей, в отношении мигрантов предполагает культуралистский ассимиляционистский подход. Российская национальная политика транслирует мигрантам необходимость ознакомиться с культурой российского общества и народов России, а, в случае стремления стать российскими гражданами, еще и требует от них следования достаточно абстрактным правилам поведения граждан, разделяющих ценности своего общества. В документе почти не представлен мультикультуралистский взгляд на интеграцию мигрантов, равно как и отсутствует не-культуралистское представление о том, что местным можно стать вне связи с культурой, а, например, только через проживание, трудоустройство и уплату налогов в России.

Документы, регулирующие интеграцию мигрантов в рамках региональной национальной политики во многом ориентированы на документы федерального уровня. В этих документах, впрочем, представлены и культуралистские и не-культуралистские дискурсы об интеграции мигрантов, и, если брать в совокупности планы и стратегии, можно говорить о представленности всех концептуализированных вариантов дискурса об интеграции мигрантов – включая мультикультуралистский дискурс (что в меньшей степени представлено в федеральных документах).

Как представления, заложенные в документах, реализуются в мероприятиях федерального уровня? Приведем в качестве примера анализ Сайта «национальнаяполитика.рф». Если реконструировать сообщение, которое производит портал в целом, можно сказать следующее: на территории России проживает разнообразие народов, среди которых существуют различия в части интеграции в российское культурное пространство. Полностью включенными в российское

общество оказываются этнические категории, которые в общественном сознании воспринимаются всегда населявшими территорию России (например, буряты, калмыки, татары, ногайцы, чуваши). Им на сайте уделяется больше внимания, выстраивается чёткая символическая связь с Россией посредством описания истории расселения данных народов по территории России и участия в культурной жизни страны, а также присутствия символа России (флага страны) на ряде фотоматериалов, сопровождающих новостные и иные сообщения, посвященные данной группе народов. Менее интегрированными оказываются этнические категории, которые являются «титульной нацией» какого-либо иностранного государства. Они в большинстве своём воспринимаются как «иностранцы с собственным национальным государством», номинально входящие в категорию «многонациональный народ России», за счёт отсутствия указания на их символическую связь с Россией (историю расселения, культурный вклад), упоминания непосредственной связи с иностранным государством, а также демонстрации атрибутики иностранного государства (флага) в ряде сообщений. Тем не менее, нельзя утверждать, что в дискурсивном пространстве сайта не происходит попытки изменить их принадлежность с принадлежности к иностранцам на принадлежность к местным. Ключевыми инструментами в данном случае является прямое указание на принадлежность этого народа к России/её части за счёт добавления слова «Россия»/«российские»/др. к названию этнической категории («российские немцы», «волгоградские корейцы», «молдаване России»), описание культурной (например, через упоминание вклада какого-либо народа в культуру Россию) и исторической связи с Россией. На последнем месте в описываемой иерархии оказываются мигранты, которые фактически остаются вне поля зрения сайта. Транслируемый дискурс можно классифицировать как культуралисткий в его мультикультуралистской вариации.

Каким образом представления об интеграции мигрантов, содержащиеся в национальной политике на федеральном уровне, воплощаются на уровне отдельных регионов, в конкретных мероприятиях? Можно ли говорить о региональной специфике этих представлений и их реализации? Были проанализированы документы и мероприятия в Санкт-Петербурге и Башкортостане. Между тем, как интеграция мигрантов представлена в документах, регулирующих национальную политику в Санкт-Петербурге, и тем, как она представлена на мероприятиях национальной политики, существуют значительные различия. С точки зрения документов,

траектория интеграции мигранта концентрируется на задаче ознакомления его с российской культурой и нормами жизни в России. В этом смысле у всех мигрантов есть определенная стартовая позиция, в которой данные аспекты им не известны, то есть собственная национальная культура мигрантов не рассматривается в виде переменной. Отсутствие разницы в этом смысле позволяет документации рассматривать мигрантов в качестве единой общности и устанавливать сравнительно объективные критерии интеграции, с помощью которых можно формулировать отчетность, а также оценивать эффективность определенных мер. Универсализация и утилитарность такого подхода также обуславливает его частью не-культуралисткий характер, поскольку речь идет, например, о документарной обеспеченности, частью культуралистско-ассимиляционистский характер, в рамках чего становление «нами» означает, в первую очередь, принятие «наших» ценностей и культуры. В мероприятиях, напротив, наблюдается более мультикультуралистский нарратив, предлагающий мигрантам становиться «нами» через несколько иную траекторию. В ней все еще подразумевается ознакомление с российскими ценностями и культурой, однако акцентируется возможность и важность сохранения собственной культурной идентичности, в том числе как инструмент интеграции и самоопределения, не в последнюю очередь потому что именно так – сегментированно – устроен Санкт-Петербург. В мероприятиях национальной политики заявляется, что население Санкт-Петербурга состоит из различных этнических групп, и что целью национальной политики является в первую очередь поддержание уважительного отношения к другим культурам. В этом плане сохранение своей культуры важно для поддержания этого заявленного разнообразия, а ознакомление с другими культурами позволяет найти точки соприкосновения и интеграции. Мультикультуралистский нарратив, таким образом, накладывается на ассимиляционистский, техницистский и интеркультуралистский в результате чего нельзя говорить о существовании единого подхода к вопросу интеграции мигрантов на уровне региона.

Несколько отличается ситуация в Башкортостане. Если обобщить то, как мигранты и их интеграция представлены в национальной политике Башкортостана, можно говорить о сосуществовании двух дискурсов. Первый дискурс – не-культуралистский, техницистский. Мигранты конструируются как временно присутствующие в стране и республике иностранцы, которые из прагматических соображений должны освоить «правила игры» в России, к которым постольку

поскольку относятся также язык и культура. Иногда этот техницистский дискурс «дрейфует» в сторону ассимиляционизма, когда язык и культура из инструмента преобразуются в ценность, а их освоение (при всей абстрактности идеи культуры) вменяется мигрантам в качестве требования. Параллельно присутствует дискурс мультикультуралистского характера – мигранты в его рамках рассматриваются как «народы», со своими «культурами», которые – до определенной степени – рядополагаются «народам Башкортостана», при этом «культуры мигрантов» не являются приоритетными в том, что касается сохранения – в первую очередь важно сохранять культуру башкир, татар, русских и прочих «народов», «традиционно» живущих в Башкортостане. Эта картина в той или иной степени характерна и для документов, и для мероприятий, однако в документах скорее доминирует первый дискурс, в мероприятиях – второй. В мероприятиях, кроме того, мигранты конструируются как транснациональные сообщества, связанные с «родиной» и имеющие к России отношение меньшее, нежели прочие «народы». Тем не менее, мероприятия наводят и мосты между мигрантами и местными за счет интегративной культурной специфики этих мероприятий. В частности, Навруз «стягивает» традиции мусульманских народов России и Центральной Азии в единый праздник весны, хотя и по времени проведения и по ритуалистике эти праздники не являются идентичными. Как бы то ни было, и в этом случае речь идет о некоторой маргинализации мигрантских народов в общей мультикультуралистской рамке. Важно, что такая роль мигрантов в реализуемой в Башкортостане мультикультуралистской парадигме связана со спецификой воображения национального в республике в целом, и в этом существенное отличие между тем, как конструируются мигранты в национальной политике Башкортостана и Санкт-Петербурга. В Башкортостане национальная политика - это про башкир и другие «местные» народы. Когда говорят о “национальном”, речь идет о них и отношениях между ними. В Санкт-Петербурге, напротив, национальное – это в гораздо большей степени по умолчанию мигрантское.

3 Российские подходы к управлению разнообразием на международном фоне

Сравнивая Россию с другими странами, принимающими мигрантов, важно отметить, что она не является страной, где миграция заложена в качестве т.н. мифа об основании, как в США или Австралии. Из исследованных стран релевантный для России опыт – у Франции, бывшей колониальной державой и, как и Россия, столкнувшейся с интенсивными миграционными потоками из бывших колоний. До определенного момента Франция, ориентируясь на свою концепцию гражданственности, пыталась в концептуальном смысле не замечать мигрантов, однако реальность вынудила на самом высоком уровне признать необходимость включения миграции и мигрантов в национальный дискурс. Эти изменения происходили и происходят довольно медленно, однако важно, что французская концепция разнообразия вообще не предполагает мультикультурализма и колеблется между ассимиляционизмом и экономико-социальным техницизмом, постепенно тяготея к последнему. По многим причинам ситуация с мигрантами во Франции хуже, чем в России, однако на уровне макроструктур ситуации сопоставимы и французский опыт следует принимать во внимание для создания концепции включения мигрантов в национальный дискурс. Опыт Объединенных Арабских Эмиратов может быть примером двух вещей. Во-первых, смелой работы с образами национального, в рамках которых «традиционные» образы совмещаются с ультра-современностью и инновациями, и все это вписывается в консистентный нарратив, в рамках которого на «традиционном» фундаменте (впрочем, конструируемом как космополитичный и «торговый» с давних времен) вырастают и достижения, и открытость миру, которая только и делает эти достижения возможными. Во-вторых, «скачка» от полного отсутствия дискурса о мигрантах в национальном нарративе к наиболее современным индивидуалистическим и интеркультуралистским версиям этого дискурса, без «остановки на станциях ассимиляционизм и мультикультуралим», в рамках которого мигрантские личные истории демонстрируются как пример вклада мигрантов в общее дело, и – вновь – речь о «культурах мигрантов» не идет вообще. Полезен и пример США – пример не-культуралисткой или ограниченно культуралистской рамки, сводящейся прежде всего к изучению языка, который интерпретируется не как культурное достояние, а как инструмент достижения успеха в космополитичной

«стране возможностей для всех», и это – последнее – и является культурой США помимо собственно английского языка. Австралия – последняя страна из изученных, на которую в той или иной степени можно ориентироваться – важна тем, что являет собой пример динамичности национальной концепции, и, хотя изначально в ней была миграция, за последние 70 лет образ желаемого мигранта изменился полностью (от белого британца до любого человека, который будет приносить стране пользу), а значит, существенная ре-концептуализация национального – более чем возможна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какой образ миграции и интеграции заложен в документы, регламентирующие национальную политику, а также мероприятия, проводимые в ее рамках? Для начала следует отметить существенные различия между подходами, заложенными в документы и реализуемыми в мероприятиях. В документах интеграция рассматривается в первую очередь техницистски: как обретение мигрантами базовых необходимых навыков для функционирования в российском обществе (язык, законы, документы). Мероприятия в том, как в них конструируется интеграция, разнообразнее, и всю их совокупность можно разделить на те, в которых реализуется документарно-техницистский подход, и те, в которых реализуется конструкция, согласно которой мигранты представляют народы, которые на тех или иных основаниях (включение, временное нахождение рядом) рядополагаются «народам России». Эти подходы, однако, базируются на допущениях и метафорах, которые необходимо проанализировать применительно к каждому подходу в отдельности, а затем и вместе – на предмет образа миграции и интеграции целиком. Важно, кроме того, заметить, что один и тот же подход может реализовываться в рамках принципиально различающихся вербальных и визуальных рядов, и задача применяемого анализа состоит в том, чтобы определить образ миграции и интеграции, конструируемый как за счет общего подхода, так и за счет тонких сетей символов, через которые этот образ реализует себя.

На основании анализа всего массива данных, можно заключить, что образ, лежащий в основании национальной политики, реализуемой в отношении мигрантов, следующий. Мигрант – социально некомпетентный человек, при этом его некомпетентность граничит с общественной опасностью. Некомпетентность эта частично конструируется как институциональная, которая может быть компенсирована путем ознакомления мигрантов с «правилами игры», частично же – как культурная. В последнем случае само по себе освоение культуры (какой именно – об этом будет сказано позже) является решением вопроса некомпетености, и, в свою очередь, люди, которые овладели культурой с рождения, по умолчанию рассматриваются как компетентные, безопасные члены общества. Ответственность за социализацию в культуру должно взять государство и гражданское общество, которое рассматривается как сеть общественных организаций в том числе и «национальных». По мере освоения культуры общественная опасность мигранта исчезает, и он уходит

из фокуса государственной национальной политики. Теоретически это «коррелирует» с процедурой получения гражданства, однако напрямую это не вычитывается. Более того, в той мере, в какой политика направлена на недавних мигрантов, социальные траектории укорененных мигрантов этой политикой не конструируются, более того, политика не отвечает на вопрос о том, как мигрант может стать местным (и может ли). Есть и другой вопрос, который оказывается за пределами конструктов, реализуемых в национальной политике применительно к мигрантам. Это вопрос роли мигрантов в российском обществе. Отсутствие этого вопроса и ответа на него, как будет видно дальше, является преградой для реализации консистентного образа интеграции.

Культура оказывается, таким образом, и площадкой, и инструментом, за счет которого опасный мигрант перестает быть таковым. В документах культура часто понимается абстрактно и холистски (культура России, российская культура), ей атрибутируются ценности, содержание которых редко уточняется, и лишь иногда говорится о ее комплексности, о том, что она является составной, и что компонентами российской культуры являются культуры народов России (в той или иной степени иерархизированные и «обладающие русской культурной доминантой»). В мероприятиях, напротив, активно конструируются культуры народов России, осуществляется это конструирование при помощи типичных символических рядов (еда, костюмы, прикладное искусство, литература), которые связываются с этнической категорией и территорией, а также отсылают прежде всего к прошлому. Организационно эти символические ряды реализуются упомянутыми представителями гражданского общества (организации, отдельные активисты). Именно в этот символический и организационный контекст и вписываются мигранты – но уже не на индивидуальном уровне, а как национальности или народы, имеющие свою – структурно схожую, но содержательно отличающуюся – культуру, которая на тех или иных основаниях рядополагается культурам народов России. При этом символические инструменты, которые отсылают к прошлому, за счет отсутствия прямой связи с событиями и проблемами современности, также служат цели обеспечения спокойствия и порядка. Этой же цели служит и то, что мигрантские культурные организации обычно возглавляют укорененные мигранты, вписанные в социальные и политические отношения на местном уровне, и тем самым обеспечивается конструкция, в рамках которой мигранты реализуют свои «культурные потребности» в безопасном режиме под присмотром проверенных людей «из их

среды». Важно, однако, что в мероприятиях такого типа конструкты типа «российская культура» и даже «дружба народов», реализуются в существенно меньшей степени, чем это заявляется в документах, а основные культурные компетенции, которыми должен обладать мигрант, чтобы чувствовать причастность к мероприятию, это язык и культура отправляющей страны. И сложные конструкции, такие как «Россия – многонациональная страна» и «единство народов под флагом любви к России», которые обычно присутствуют в текстовом (устном и письменном) сопровождении мероприятий, считываются не в первую очередь.

Следующий важный вопрос – являются ли мигрантские категории народами России в полной мере. С одной стороны, сама по себе мультикультуралистская рамка в идеальном исполнении предполагает, во-первых, символическое равенство между категориями, во-вторых, сходство форм при различии содержания. В части мероприятий, равно как и в документах, этот подход реализуется в полной мере (например, конкурс красоты «Мисс Содружество», где участвующие девушки – разных, в том числе «мигрантских», национальностей). На практике, однако, разворачивается иной символический ряд, и вот уже, с одной стороны, башкирская и татарская юрты на Наврузе в Башкортостане оказываются больше и наряднее палаток Узбекистана и Таджикистана, с другой стороны, внутри этих палаток эти народы конструируются скорее как диаспоральные сообщества, связанные в первую очередь со страной происхождения, а не с Россией. Следствием этого является то, что образ «разные, но равные народы России» как минимум смазывается, а как максимум рассыпается. Этому способствует и сложная конструкция из Стратегии национальной политики, где народы России описываются как культурно многообразные, но духовно единые. При этом единение это осуществлялось и осуществляется за счет русского народа как системообразующего звена. Типологический мультикультурализм, который номинально является рамкой российской национальной политики, на практике оказывается под вопросом, и, в частности, неочевидна роль мигрантских категорий, как символически рядоположенных друг другу народов России.

Представления об интеграции мигрантов, реализующиеся через регламентирующие документы и мероприятия национальной политики, таким образом, не являются единым и непротиворечивым культурным текстом. Напротив, наблюдаются существенные дискурсивные разрывы и лакуны. Самый яркий разрыв – это сосуществующие представления об индивидуальных мигрантах, которые должны

стать объектом интеграции, понимаемой техницистски, и о народах-иностранцах, наравне (или не в полной мере наравне) с народами России «празднующие разнообразие» в ходе фестивалей. Впрочем, объединяет обе группы представлений то, что мигранты в них конструируются как культурные маргиналы и в том числе инструментами культуры (освоением языка и норм в случае индивидуальных мигрантов и экспликации «своей» одежды-еды-литературы с другой) эта маргинальность может быть ликвидирована.

В целом же национальная политика России в отношении мигрантов, если ориентироваться на модель, представленную в предыдущих разделах, носит частью не-культуралистский техницистский, частью культуралистский характер. Однако конкретные модели этого культурализма – ассимиляционизм и мультикультурализм – проявляются в разных документах и мероприятиях в разной степени (скорее, впрочем, мультикультуралистское воображение «побеждает»). Если говорить о лакунах, самая существенная – это отсутствие консистентного нарратива о роли мигрантов и мигрантских групп в истории и современности России. Некоторые страны именно мигрантов и миграцию ставят в основание национальной идентичности и, хотя в России вряд ли возможен (и нужен) нарратив содержания «мигранты стоят в основании страны», вопрос о том, что в России делают мигранты полезно было бы разрешить в том числе на нарративном, символическом уровне. Другой лакуной является отсутствие представления о том, когда именно мигрант перестает быть таковым и становится местным. Последствием такого положения вещей может стать маргинализация людей мигрантского происхождения во втором и далее поколениях.

Эти выводы носят обобщающий характер. Документы и мероприятия, ставшие объектом анализа, различаются в том, что касается транслируемых символических рядов и степени проявленности описываемых разрывов и лакун. Мероприятия, посвященные одному и тому же празднику, могут «решаться» на символическом уровне по-разному и транслировать существенно различающиеся образы и картинки (эта разница фиксируется при анализе, например, празднования Навруза на нескольких площадках Санкт-Петербурга, а также в Башкортостане). Тем не менее общим знаменателем анализа является наличие мощной культуралистской установки российской национальной политики в отношении мигрантов при том, что неразрешенными остаются вопросы о культурной модели интеграции (ассимиляционизм или мультикультурализм), а также о роли мигрантов в российском

обществе. В некотором смысле, любая государственная политика является смысловым компромиссом между позициями разных групп и нарративами, которые ими производятся. Национальная политика в этом смысле не является исключением. Такое положение вещей, однако, делает общее послание, заложенное в политику, нечетким и не может быть однозначно считано теми группами, в отношении которых эта политика осуществляется (в данном случае, мигрантами, но также и обществом в целом, которое мигрантов принимает). Оно также осложняет продумывание и реализацию мероприятий на региональном и локальном уровне – их организаторы не понимают, о чем именно должны быть мероприятия и в результате воспроизводят те представления о хорошем и плохом, в которые они были социализированы, вне связи с политикой. Между тем – в той мере, в какой мероприятия являются «фронтом» реализации политики – такое положение вещей является проблематичным.

РЕКОМЕНДАЦИИ

На основании детального анализа мероприятий, проводящихся в рамках национальной политики в России и сравнения их с разнообразием международных случаев – можно дать серию рекомендаций, призванных выразить некоторые важные моменты на уровне политики в целом и мероприятий, осуществляемых в ее рамках, в частности:

(1) Актуализация культурного репертуара в мероприятиях в рамках политики. Российская практика мультикультурализма предполагает осуществление репрезентации культур посредством демонстрации «традиционных» артефактов и обращения к воображаемому прошлому. Такое положение вещей создает ситуацию, при которой для значительной части репрезентируемых эти артефакты не являются знакомыми и важными, вследствие этого и роль символического ряда, выстроенного вокруг этих артефактов, оказывается меньшей, чем могла быть. Актуализация символического ряда, его «осовременивание» создаст эмоциональную причастность к мероприятиям и сообщениям, через них транслируемых, у большего количества людей. Эта актуализация может быть осуществлена за счет обращения к современным музыкальным и фольклорным жанрам, а также в целом реконцептуализации культуры для мероприятий национальной политики.

(2) Символическая интеркультурализация мероприятий. В той мере, в какой мероприятия сейчас в типичном случае это фестивали и конкурсы, участниками которых являются народы, ударение в этих мероприятиях в концепции единства непохожих падает не на единство, а на непохожесть, которая, кроме того, приобретает соревновательный оттенок. Единство обычно проговаривается, однако – на уровне конкретных практик в рамках мероприятий – носит декларативный, не-практикуемый, характер. Включение в программу мероприятий различных форм, за счет которых происходит взаимодействие между номинальными представителями представляемых культур – «в зале» или «на сцене» — является важным и несет, кроме того, символический заряд, поскольку за счет знакомства между конкретными людьми и взаимодействия между ними и происходит дружба народов, а также реализуется «национальное единство».

(3) Экспликация роли мигрантов в рамках национального нарратива. В настоящий момент мигранты в символические ряды, производимые в рамках национальной политики, «вшиты» довольно искусственно, ни в документах, ни в

мероприятиях в достаточной степени не объясняется, что в России делают мигранты. Разработка нарратива о положительной роли мигрантов и внедрение его в мероприятия национальной политики (частью за счет указания на важность миграции в современном мире для развития стран и обществ в целом, частью за счет демонстрации того, какую роль мигранты сыграли в истории России и играют сейчас для ее экономического и культурного развития), а также включение в их программу личных историй мигрантов, а также истории миграции целых мигрантских групп (когда впервые в России оказались кыргызы? когда миграция стала массовой? сколько их сейчас и где они преимущественно живут?) – послужит цели органичного включения мигрантов в национальный нарратив на всех уровнях.

(4) Создание ритуалов вступления мигрантов в российское гражданство. Проблема отсутствия нарративизированного перехода из категории мигрант в категорию местный, результатом чего является неопределенный символический статус людей, которые живут в России много времени (или даже родились в России) и имеют российское гражданство, может быть решена посредством ритуализации вступления в гражданство. В данный момент такая ритуализация имеет место, но носит недостаточный характер, а также не является в нужной мере «вшитой» в общественные представления, в рамках которых есть склонность ставить под вопрос гражданство как безусловное основание для включения в национальное сообщество (нарративы о «покупке паспорта»). Если получение паспорта станет регулярным торжественным мероприятием, приуроченным к подходящим национальным праздникам (например, дню России), и такие мероприятия будут широко освещаться – изменится и на данный момент нечеткое правило членства в общенациональном сообществе, и будет как минимум частично решена проблема недоверия к людям, получившим гражданство во взрослом возрасте.

***

Эти рекомендации, будучи ориентированными на мероприятия в рамках национальной политики, являются проявлениями более общей идеи, согласно которой объектом изменений должен стать, пользуясь терминологией классика исследований национализма Энтони Смита [31, с. 249–264], мифосимволический комплекс, сопряженный с идеей России, который и выражается в документах и мероприятиях. Аспектами этого мифосимволического комплекса является исторический нарратив, образы будущего, правила членства в национальном сообществе, концепции

внутреннего разнообразия, представления об отношениях с внешними категориями (в том числе, страновыми) и многое другое. Несмотря на то, что национальные конструкты по определению являются достаточно консервативными, существуют успешные примеры их изменения, в том числе в части возможности включения мигрантов в национальное сообщество, и вот уже Австралия из страны белых британцев становится страной для всех, кто может принести ей пользу, а в ходе празднования Национального дня в ОАЭ на сцену выходит филиппинская мигрантка и по-английски рассказывает о том, как спасала людей в пандемию, и вслед за этим со сцены сообщается о том, что цель страны – создать космополитичную экономику знаний, в которую будут вовлечены ученые со всего мира. Образные ряды, устремленные не назад, в крестьянское прошлое (стандартный способ воображения национального, уходящий корнями в эпоху романтизма), а в будущее и сообщающие о возможности влиться в зарождающийся проект тех, кто хочет стать его частью – это один из элементов успешной миграционной политики, привлекающей специалистов и пассионариев со всего мира. Пересмотр символического ряда, и – шире – мифосимволического комплекса, сопряженного с Россией, таким образом, соответствует национальным целям, включающим в том числе экономическое развитие и выход из демографического кризиса. Какими идеями и образами следует дополнить российский мифосимволический комплекс, какие принципы должны лечь в основание этого пересмотра? Во-первых, смыслы национального следует меньше искать в прошлом (и в этом смысле модификации может быть подвержена идея исторического нарратива о российской нации как таковой), обратившись в большей степени к образам желаемого будущего. Такой подход является более инклюзивным и позволяет почувствовать себя своими в России не только тех, кто здесь родился или чьи родственники по восходящей линии имеют отношение к стране. Во-вторых, полноправными участниками этого будущего могут стать все те, кто захочет этого, и кто будет способен принести пользу национальному проекту вне зависимости от страны рождения, цвета кожи, родного языка и культурной принадлежности. Важно, однако, что включение в мифосимволический комплекс новых элементов – это задача, сопряженная с рисками снижения уровня солидарности, поскольку именно солидаризация является смыслом существования этих комплексов, призванных объяснить людям, почему они вместе и куда они идут. В этой связи инкорпорация новых элементов мифосимволических комплексов должна ориентироваться на уже

существующие идеи и образы. Именно поэтому важно провести их ревизию и понять, какие элементы являются продуктивными для изменений, а на какие ориентироваться не следует. Например, могут использоваться те элементы российского мифосимволического комплекса, которые связаны с научными инновациями, а также с ее культурным разнообразием на протяжении истории. Работа по реновации мифосимволического комплекса – на основании прагматики национального развития и в соответствии с лучшими образцами мирового опыта – должна быть осуществлена, а результаты этой работы затем могут успешно транслироваться посредством мероприятий в рамках национальной политики сообразно рекомендациям, приведенным выше.

БЛАГОДАРНОСТИ

Препринт подготовлен на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2023 год.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Заседание Совета по межнациональным отношениям. 19.05.2023 года. Пятигорск//Администрация Президента России. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71165 (дата обращения: 31.05.2023).

2. Тишков В.А. Стратегия государственной национальной политики. История дискурса//Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. – 2018. – С. 11–26.

3. Статистические сведения по миграционной ситуации//Официальный сайт МВД России. – 2018–2022. – URL: https://xn—b1aew.xn—p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 31.05.2023).

4. Alharahsheh H.H., Pius A. A review of Key Paradigms: Positivism VS Interpretivism//Global Academic Journal of Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 2, N 3. – P. 39–43.

5. Yanow D., Schwartz-Shea P. (eds.) Interpretation and Method: Empirical Research Methods and the Interpretive Turn (Second Edition). – Oxon, New York: Routledge, 2015. – 552 p.

6. Prasad A., Prasad P. The Coming of Age of Interpretive Organizational Research//Organizational Research Methods. – 2002. – Vol. 5, N 1. – P. 4–11.

7. Витгенштейн Л. Философские исследования/пер. и прим. Добросельский Л. – М.: Издательство АСТ, 2011. – 352 с.

8. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии/пер. Ионин Л.Г.//Экономическая социология. – 2016. – Т. 17, N 5. – С. 13–29.

9. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста//Избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 129–132.

10. Гирц К. Интерпретация культур/пер. Барсукова О.В., Борзунов А.А., Дашевский Г.М., Лазарева Е.М., Николаев В.Г.//Серия «Культурология. XX век». – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

11. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология/пер. с англ. Г.К. Ольховикова под ред. Д.Ю. Куракина. – М.: Издательство и консалтинговая группа «Праксис», 2013. – 640 с.

12. Geertz C. Distinguished Lecture: Anti Anti-relativism//American Anthropologist. – 1984. – Vol. 86, N 2. – P. 263–278.

13. Александер Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы». Предваряя спецвыпуск журнала Центра фундаментальной социологии «Социологическое обозрение», посвященный культурсоциологии/пер. Куракин Д.Ю.//Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, N 2. – С. 5–10.

14. Александер Дж., Смит Ф., Сильная программа в культурсоциологии/пер. Джакупова С.//Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, N 2. – С. 11–30.

15. Edelman M. Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. – New York, San Francisco, London: Academic Press, 1971. – 208 p.

16. Meyer T., Ontrup R., Schicha C. Die Inszenierung des Politischen: Zur Theatralität von Mediendiskursen. – Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2000. – 337 p.

17. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. – М.: РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки, 2013. – 421 с.

18. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. – 207 с.

19. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России//Полис. Политические исследования. – 2010. – N 2. – С. 90–105.

20. Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев//Трансформация идентификационных структур в современной России. (ред.) Стефаненко Т.Г. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 106–159.

21. Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта//Сборник научных трудов «Символическая политика». (ред.) Малинова О.Ю. – М.: РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической наук, 2012. – Т.1. – С. 17–53.

22. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме//Полис. Политические исследования. – 1999. – N 5. – С. 62–75.

23. Berry J.W. Acculturation and Adaptation in a New Society//International Migration. – 1992.

24. Варшавер Е.А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности//Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21, N 3. – С. 31–58.

25. Варшавер Е.А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, N 2. – С. 377–396.

26. Тишков В.А. (б.д.). Этничность как форма социальной организации. – URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html (дата обращения: 31.05.2023).

27. Barth F. Introduction//Ethnic Groups and Boundaries: Social Organization of Culture Difference (ed. by Barth F.). – Boston: Little, Brown Series in Anthropology, 1969. – P. 9–38.

28. Chandra K. (ed.) Constructivist Theories of Ethnic Politics. – Oxford (New York): Oxford University Press, 2012. – 500 p.

29. Chandra K. What is Ethnic Identity and Does it Matter?//Annual Review of Political Science. – 2006. – Vol. 9. – P. 397–424.

30. Brubaker R. Ethnicity without Groups. – Cambridge, Massachusetts, and London (England): Harvard University Press, 2004. – 283 p.

31. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford: Blackwell Publishing, 1987. – 312 p.

В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ **К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ** ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ **СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ** ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ